

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3)
EDN [HSRZIC](https://edn.ras.ru/HSRZIC)
УДК 327

А. Ю. Пинчук¹

¹ МОО «Союз добровольцев Донбасса»
Москва, Россия

О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЗЕРВАХ И ИМПЕРАТИВАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ¹

Аннотация. Прошло два года с начала специальной военной операции России на Украине. Данные опросов показывают тенденции социального и политического осмысления гражданами происходящих событий: рост консолидации, активизацию волонтерской деятельности, адаптивность к западным санкциям. Автор статьи привлекает внимание к ключевым позициям доктринального фундамента и концептуального содержания специальной военной операции и практическим аспектам управленческих взаимодействий граждан, акторов и институтов гражданского общества и государства в процессах проведения СВО, рассматривает серьёзную проблему мотивационно-психологических аспектов и общественно-властных процессов вокруг СВО. В статье предпринята попытка аналитического осмысления социально-политических тенденций и перспектив развития специальной военной операции, её возможного развития и завершения. Трансформация и перестройка промышленно-финансовой системы, подходов к государственному и корпоративному управлению и прочие меры в процессах управления в зоне проведения СВО, в гражданском обществе и государстве, по мнению автора, требуют достижения необходимой степени достоверности информации. Рассуждение о возможных сценариях завершения специальной военной операции сквозь призму геополитических и политико-экономических реалий ведёт к заключению о необходимости оптимизации взаимодействия военно-технических и социально-политических механизмов реализации имеющихся резервов достижения целей СВО.

Ключевые слова: специальная военная операция, доктрина Герасимова, Украина, мотивация, сценарии победы, стратегическое планирование

Для цитирования: Пинчук А. Ю. О социально-политических резервах и императивах специальной военной операции // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 28–39. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3). EDN [HSRZIC](https://edn.ras.ru/HSRZIC)

Об особенностях специальной военной операции. Традиционные войны имеют своей целью победу в силовом противоборстве с помощью массового уничтожения вооружённых сил противника до состояния, когда они оказываются неспособными оказывать сопротивление. Войны предполагают захват территорий, прекращение возможности их использования для продолжения войны. Судя по официальным документам и заявлениям начального периода СВО, российское руководство таких целей не ставило. Более того, в ситуации призыва Президента РФ В. В. Путина к украинским военным взять власть и вступить

¹ При подготовке статьи использованы материалы авторской книги «СВО. Клаузевиц и пустота», опубликованной под псевдонимом Михаил Головлев.

в диалог² после начала операции в феврале 2022 года, демонстрировалась уважительная готовность к переговорам и достижению мирных соглашений.

Выбор формата специальной военной операции изначально планировался как комбинация военных и «специальных», то есть политических, информационных, агентурных форм воздействия на противника, в отличие от войны или военного конфликта, как преимущественно военно-силового противоборства. Это отличие предполагало не столкновение на линии фронта, а достижение поставленных целей специальными военными средствами и способами. Западные оппоненты России осознали такой подход, и именно по этой причине изначально заявляли, что «исход войны будет решён на поле боя» (руководство НАТО, Евросоюза и т.п.)³. Такими заявлениями и последующими действиями создавались условия к невозможности проведения боевых действий в их изначально планируемом «специальном» формате.

Стратегическим базисом, на который опирается Генштаб Вооружённых сил России в управлении осуществлением СВО, является «доктрина Герасимова» [1], которая предполагает, что «среди основных отличий войны нового типа: начало военных действий группировкой войск мирного времени, высокоманёвренный характер наступления, поражение критически важных объектов противника в короткие сроки, массированное применение высокоточного оружия и сил специальных операций, а также удары по врагу по всей глубине его территории»⁴. Действующая доктрина РФ разработана на основе концепции «сетцентрической войны» [2; 3], принципиальные положения которой были сформулированы в Генштабе ВС СССР в бытность его руководства маршалом Н. В. Огарковым. По мнению отечественных разработчиков, стратегическое превосходство в современных войнах достигается за счёт объединения всех каналов управления в единую информационную сеть, позволяющую оперативно управлять войсками и боевыми подразделениями в режиме реального времени.

Выделим некоторые проявившиеся в ходе СВО актуальные социально-политические и социально-технологические аспекты практической реализации этой доктрины:

1. В современных военных столкновениях **широко используется работа с гражданским населением**. Военный успех спецоперации зависит от эффективного ведения информационного противоборства.
2. Ключевая роль – за силами **специальных операций**.
3. Важнейший опыт, необходимый для использования в современных военных действиях – **партизанское движение**.
4. **Мобильность и манёвренность** войск – приоритет.
5. В боевых действиях **не должно быть пауз**, которыми мог бы воспользоваться противник.
6. В современных боевых действиях **неактуальны фронтальные столкновения крупных группировок войск**.
7. Приоритет современных боевых действий – **высокоточное оружие и роботизированные системы на основе искусственного интеллекта**, боестолкновения широких масс людей не актуальны.

² Путин призвал украинских военных брать власть в свои руки // Интерфакс. 25.02.2022. URL: <https://u.to/YUUpIA>; «Берите власть в свои руки»: Путин обратился к украинским военным // RuTube. URL: <https://u.to/VUUpIA> (дата обращения: 02.10.2023).

³ Напр.: НАТО заявила Зеленскому, что конфликт должен быть решен только на поле боя – Де Кроо // НГ. 29.06.2022. URL: <https://u.to/S0kpIA>; Анисимова Н. Боррель пожелал разрешения конфликта на Украине «на поле боя» // РБК. 09.04.2022. URL: <https://u.to/Z0kpIA> (дата обращения: 02.10.2023).

⁴ Герасимов В. В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8(476). С. 2-3. URL: http://vfes.ru/vpk_08_476.pdf (дата обращения: 02.10.2023).

8. Акцент должен быть сделан на воздушных, наземных и морских **роботах**.
9. Есть **проблемы** выработки модели **использования российских вооружённых сил за пределами страны**.
10. Законодательством не определены формы и способы использования вооружённых сил за пределами России, **необходимо срочное нормативное регулирование**.
11. Необходима **организация территориальной обороны** от сил спецопераций и диверсионных групп противника.
12. Необходимы адекватные **прогнозы военных конфликтов**.
13. Срочно необходимо создание **информационно-телекоммуникационной системы разведки, управления войсками и оружием**.
14. **Беспилотные аппараты** и роботизированные комплексы – приоритет. Как и противодействие им.
15. **Информационное противоборство и инициатива** в нём являются условиями успеха.
16. Необходимо ясное, сформированное на научном знании стратегическое понимание **взаимосвязи военной стратегии, экономики, политики, социальной и духовно-нравственной сфер жизнедеятельности российского общества**.

Очевидно, однако, что реальные процессы СВО в ряде случаев расходились с данными установками. Следует учитывать, что базой военного планирования в РФ является Военная доктрина, принятая в 2014 году. Именно в ней «на основе анализа военных опасностей и военных угроз Российской Федерации и интересам её союзников сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны государства»⁵. Здесь важно обратить внимание на фразу о союзниках – именно в связи с угрозами союзникам – ДНР и ЛНР, после их официального признания и была начата специальная военная операция.

В Доктрине определяется военная терминология: дифференцируются виды войн, раскрываются понятия военных и вооружённых конфликтов, определяется разница между ними. Вот только термин и содержание «СВО» там до сих пор не предусмотрены. Доктрина принята 25 декабря 2014 года, то есть уже после украинского Майдана и создания ЛДНР. Это значит, что условия, приведшие в итоге к СВО, уже возникли. Собственно СВО в Доктрине прямо не упоминается, но косвенных отсылок более чем достаточно. Так, «Неурегулированными остаются многие региональные конфликты. Сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией»⁶; к угрозам отнесены «наличие (возникновение) очагов и эскалация вооружённых конфликтов на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и её союзниками»⁷, «установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам Российской Федерации»⁸.

Военная доктрина РФ, п. 15 определяет алгоритм планирования формата СВО следующим образом:

⁵ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976). Пункт 2 // Российская газета. 30.12.2014. URL: <https://u.to/HUwplA> (дата обращения 02.10. 2023).

⁶ Там же. Пункт 10.

⁷ Там же. Пункт 12 и).

⁸ Там же. Пункт 12 н).

- «а) комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций;
- б) массированное применение систем вооружения и военной техники, высокоточного, гиперзвукового оружия, средств радиоэлектронной борьбы, оружия на новых физических принципах, сопоставимого по эффективности с ядерным оружием, информационно-управляющих систем, а также беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружения и военной техники;
- в) воздействие на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, на суше и море;
- г) избирательность и высокая степень поражения объектов, быстрота манёвра войсками (силами) и огнём, применение различных мобильных группировок войск (сил);
- д) сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий;
- е) усиление централизации и автоматизации управления войсками и оружием в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием;
- ж) создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий;
- з) участие в военных действиях иррегулярных вооружённых формирований и частных военных компаний;
- и) применение непрямых и асимметричных способов действий;
- к) использование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений»⁹.

Таким образом, чётко просматриваются императивные алгоритмы действий: мобильное маневрирование, точечное воздействие и современные технологии. Казалось бы, такие представления не требуют строительства вооружённых сил в масштабах Великой Отечественной войны и Советской Армии. Практика показала недостаточность такого подхода.

По существу, на начальном этапе СВО фактически произошла попытка повторения американской концепции «быстрого достижения и преобладания», реализованной в Ираке в виде операции «Шок и трепет». Напомним базовые положения концепции:

- Целью являются не только вооружённые силы противника, но и «общество в широком понимании».
- Война – «спектакль, разыгрываемый на телевидении для трёх разных аудиторий: американской, аудитории противника и остального мира».
- Ведение как боевых действий, так и информационной войны.

Приведём четыре принципа проведения операции «Шок и трепет»:

1. Почти полное или абсолютное знание и понимание себя, противника и оперативной среды;
2. Быстрота и своевременность действий;
3. Оперативный блеск в исполнении;
4. Почти полный контроль и управление всей оперативной средой [4].

⁹ Там же. Пункт 15.

Этот подход явно коррелирует с российской практикой проведения украинской кампании СВО. Однако недостаточный эффект первоначального военного и психологического воздействия, отсутствие адекватной подготовленной социально-политической почвы в украинском обществе, непроработанные механизмы функционирования военно-гражданских администраций, необходимых к перехватам местной власти сразу же при заходах на территории, а также растянутая военная логистика без надлежащего боевого охранения привели к непредусмотренным результатам начала операции. Следует также учесть, что российская армия вступила в СВО с неотработанной до совершенства системой военной складской логистики. Советский принцип непрерывной адресной доставки материальной базы «сверху вниз» для фронта непосредственно на передовую был заменён на старый натовский подход полнокровного наполнения «логистических центров» с выдачей потребностей по заявкам. Старым мы его называем именно потому, что в настоящее время НАТО перестраивается на фактическую советскую систему, модернизированную под современные западные потребности и получившую название «Joint Vision-2020».

О мотивации. Рассмотрим СВО через призму её субъектов и их мотивации. Очевидно, что стратегические решения по СВО принимает Президент России. Далее наличествуют три компонента: Армия, спецслужбы и мотивированное общество и бизнес как с российской, так и с украинской, и в целом западной стороны. Выделять отдельный политический блок нет никакой необходимости, так как он разделён между второй и третьей позициями, либо является рабочим механизмом реализации решений главы государства. Исходя из пирамиды Маслоу, потребности социального, творческого характера, потребности в патриотическом самовыражении реализуются в обществе и бизнесе, а также становятся сферой деятельности спецслужб. Армия также затрагивает вопросы самовыражения и безопасности, но в момент главной её сферы – войны, главенствующая её доминанта действий – жизнь.

Следует в этой связи признать, что опыт СВО довольно ярко продемонстрировал недостатки концепта «контрактной армии» в ходе широкомасштабных боевых действий, где изначальные проблемы мотивации привели к определённой рассинхронизации и потере эффективности, что проявилось в сбоях первых этапов СВО. Действительно, в чем суть контракта как формы коммерческого найма? В том, что гражданин, выбирая определённую сферу деятельности, останавливается на военной службе. Что же движет им в этой связи?

В комплексном социально-психологическом исследовании М. В. Киселева и А. В. Голова «Мотивация граждан, поступающих на военную службу по контракту в армию Российской Федерации», ещё в 2016 году прямо констатируется, что «анализ представленной мотивации поступления на контрактную службу позволяет выявить их некоторую ограниченность материальными рамками и недостаточность других стимулов, побуждающих к службе по контракту. Это можно объяснить тем, что большая часть военнослужащих-контрактников пришла в Вооружённые Силы из сельской местности в связи с ростом безработицы, кризис привёл к нестабильности в гражданской сфере деятельности. Именно это определяет их мотивацию, которая имеет хоть и несущественную, но устойчивую тенденцию к повышению её материальной составляющей» [5].

То есть, ещё с 2016 года вышеуказанные (и не только [6]) исследователи российской контрактной армии достаточно чётко сигнализировали о материальной ориентации и вынужденном, обусловленном бедностью выборе. Авторы показа-

ли, что к основным мотивам и ожиданиям службы солдат по контракту относятся: возможность денежного вознаграждения, новый опыт, знания, сотрудничество, дух товарищества, интересные задачи, приключения, разнообразие; новые контакты, страны, знакомство с новыми людьми, принадлежность к определённой группе военнослужащих. Как видим, все ожидания находятся в парадигме обычной работы и не слишком отличаются от среднестатистического госслужащего, работника предприятия или фирмы. В мирное время такая ситуация не слишком заметна. Армия выполняет необходимые уставные и ритуальные действия, совершает учения, демонстрирует слаженность группового поведения. Однако так же, как хороший или даже отличный спортсмен не способен одновременно стать хорошим солдатом, также и подобный коллектив не предполагает автоматической боеготовности без нужной мотивации и последующей боевой взаимоувязанной подготовки.

Думается, проблема шире, чем чисто армейская плоскость, и охватывает широкий пласт общественных ориентиров, макросоциальной системы социально-политической культуры, ценностей и убеждений, религиозных традиций и веры, социально-психологических установок, прагматичных и метафизических императивов элиты, которые она вольно и невольно экстраполирует в общество. Срабатывает максима, приписываемая Наполеону: «я знаю многих кто готов убивать ради денег, но не знаю никого, кто ради них готов был бы умереть». Действительно, при целеполагании материального благополучия обладание деньгами должно позволять их тратить. Если же ты добываешь деньги для чего-то ещё – например, ради близких, то реальным мотивом становятся близкие, а не деньги. Именно по этой причине даже на терминологическом уровне понятие «зарплаты» гражданского служащего и «денежного довольствия» военнослужащего разведены. Здесь предполагается глубинная мотивационная разница, которая на практике оказалась в полной мере нереализованной. Война требует массовой добровольческой патриотической убеждённости и готовности к действиям, опасным для жизни, во имя Родины и идеалов социальной справедливости. По этой причине люди, находящиеся на разных горизонтах мотивации, ведут себя по-разному. Именно поэтому в 2014 году немногочисленные, но патриотически мотивированные отряды ополченцев захватывали на Донбассе намного более многочисленные и вооружённые объекты полиции и местных спецслужб.

О проблемах целеполагания. Можно выделить три формы ошибок оценки себя и противника при стратегическом планировании формата СВО.

Первая – недооценка противника. Такое зачастую происходит при переоценке собственного потенциала, ошибках в самопознании на общественном и государственном уровнях. Греческая формула «познай себя, и ты познаешь мир» здесь актуальна как никогда. Недостаток самопознания может произойти при манипулятивном использовании социологической информации для принятия управленческих решений, либо искажений от лжи в докладах подчинённых, от желания угодить начальнику, либо от сокрытия прорех, совершенных товарищами и авторитетами. Иногда такая ошибка становится следствием использования манипуляций и искажений в качестве внутренней политической технологии управления и внешнего инструмента введения в заблуждение врагов о своём потенциале, дабы отпугнуть их и сделать более договороспособными. Часто такая недооценка связана с механическим подсчётом ресурсов противника без учёта потенциальной динамики их быстрого наращивания, особенно при триггере внешней агрессии, без учёта потенциала союзников. Такой подход

чреват тяжёлыми последствиями, ибо приводит к переоценке своей готовности, недостаточной подготовке ресурсов, проблемам выбора инструментов и обстоятельств воздействия.

Вторая – переоценка противника. Такая ошибка часто связана с проводимой стратегией врага по внешнему введению в заблуждение с помощью имитации большего, чем есть, потенциала, с переоценкой готовности его союзников оказать поддержку. Следствием такой ошибки чаще всего становится неготовность к своевременному вмешательству, нерешительность. Часто в её основе лежит некомпетентность или предательство соответствующих дипломатических, разведывательных и аналитических акторов. Однако после преодоления таких преград операция приносит необходимый, и даже иногда больший, чем при первоначальном расчёте результат.

Третья – сбой идентификации. Такое заблуждение не является чем-то целостным, но имеет комплексную природу. Эти ошибки специфичны потерей адекватности как самооценки, так и оценки противника, когда врага начинаешь полагать чем-то иным, чем он является. В оценке украинского направления характеристика «братства или общей изначальной сущности» народов нередко приводит к попыткам экстраполяции российских инструментов и подходов к управлению и воздействию. Нередко публично заявлялось об украинцах: «язык у нас общий, история тоже, гены у большинства с едиными корнями. У каждой пятой-шестой российской семьи на Украине есть родственники. Вывод: украинцы ничем не отличаются от русских. А вероятно, если уж русские с такой готовностью приняли подчинение центральной власти Москвы, то и украинцы в готовности к аналогичному подчинению». В этих размышлениях полностью исключалось огромное количество противоречащих им фактов, в числе которых:

- после образования новой России у неё самой был длительный период проявлений регионального сепаратизма. Т.н. «Уральская», «Дальневосточная», «Сибирская» республики начала 1990-х, рассуждения о независимости Кубани, фактические конфедеративные отношения с Татарстаном и Якутией, Кавказские сепаратистские войны и многое, многое другое, что даже правительством Путина преодолевалось не путём разового переламывания об колено, но сложными, где-то дипломатическими, где-то силовыми, где-то кулуарными и прочими мерами. В этом смысле Россия 90-х годов была похожа на постмайданную Украину и, конечно, не была готова к одномоментной трансформации. Период «путинских» изменений занял немалое время;
- русскость украинцев, также как и русскость сибиряков, уральцев, казаков имеет свои региональные особенности, связанные с географией, историей, европейским приграничьем. Отрывание из общего пространства и последующее воссоединение по затратности и сложности весьма отличаются. Несомненно, что если бы планы, к примеру, сибирских или башкирских сепаратистов удалось, то институциональных обоснований отличия от «материковой России» было бы изобретено не меньше, чем в современной Украине;
- предположение о том, что наличие у российской элиты партнёров среди украинского бомонда по общему бизнесу и прочим делам влечёт за собой такую же готовность населения, а сами эти партнёры могут вступить в зону нерационального, выходящего за представления бизнеса, риска, вряд ли следует принимать в расчёт. В этом смысле общие корни привели к довольно спорной уверенности в общих подходах к управлению.

Тенденции СВО. Есть процессы, попадание в колею которых ограничивает или ликвидирует альтернативные варианты. Текущий формат СВО теперь оставляет мало шансов для компромиссов и невоенных процессов. Если формируется гибрид войны, кулуарных бизнес-процессов и пространства спецслужб, то все решает баланс. Если в моменте войны больше, чем спецслужб или бизнеса – доминирует война. Если поля спецслужб больше, чем войны и бизнеса – решают спецслужбы и заинтересованный бизнес. Если бизнеса больше, чем войны и спецслужб, при том, что военная фаза присутствует также – все равно в итоге решает военный аргумент.

Каждый из участников всегда будет считать, что его направление – важнейшее. Военные будут знать, что решает поле боя. И лишь при проигрыше свои огрехи будут списывать на тыл и политическое руководство. Спецслужбы всегда искренне будут уверены, что именно они тайная и главная власть. Бизнес всегда будет уверен, что решают деньги. В итоге важнейшим для определения баланса будет зафиксировать базовые сущности этих трех составляющих. Если спецслужбы, а равно и армия, будут руководствоваться бизнес-интересами, либо бизнес начнёт руководствоваться логикой войны – баланс будет разрушен.

В практическом плане принципиально сохранение границ трёх сущностей, недопущение превращения воинов в торговцев. Если субъект управления пытается удерживать в своей власти процесс, и при этом не создаёт системный механизм мониторинга, а в условиях боевых действий – своевременного влияния на обстановку в рамках этого мониторинга, – значит он переоценил себя, обстановку и не в полной мере владеет процессом. Особенно в этой связи следует подчеркнуть, что ключевым показателем эффективности последующих решений, событий и процессов является скорость.

Отдельно при оценке динамики и перспектив происходящего следует упомянуть состояние общества. Иллюзия, что вхождение в боевые действия для общества меняет лишь эстетику управления, стимулирования и поведения, является ложной. В мирное и военное время задействуются совершенно разные мотивационные уровни. В обычной жизни – это успех, тщеславие, стабильность, самореализация. Война же или военные процессы активируют совершенно иную базу – жизнь и смерть как таковую, заставляя социум переоценивать собственный потенциал [7] и представления о правителях, их праве и легитимности, пределах управленческого воздействия. По этой причине управление обществом в условиях СВО по принципу «главное ничего не менять, держать строй, потому что если поползёт где-то, то поползёт везде», хоть и имеет своё законное право на существование с точки зрения тактического периода условной стабильности, но в долгосрочной перспективе грозит болезненными последствиями. Что самое простое может сделать элита? То, что ей так не нравится. Чуть меньше имитации, чуть ближе к обществу. Это не сакральный, а вполне прагматичный подход самовывживания в новых условиях. Потому что ещё одной угрозой является рассинхронизация элементов государственной машины. Все элементы государственной машины работают в принципе хорошо, довольно ритмично, или уж точно не хуже, чем раньше, однако при этом нарастает трение между элементами и узлами этой машины, накапливаются рассогласования в логике деятельности институтов. На фоне призывов к сплочённости, заявлений о единстве в условиях неопределённости, каждый из элементов корпоративных институтов начинает жить своей жизнью в режиме государственной целесообразности так, как он её понимает с учётом корпоративных стереотипов. Такой процесс находится в постоянной активности и в

обычное время, но военные обстоятельства могут усугубить и вскрыть политический кризис.

И ещё один важный и часто упоминаемый деструктивный фактор СВО – это ложь или так называемое «враньё». Депутат Государственной думы России, бывший командующий 58-й армией генерал-лейтенант Гурулев заявлял в интернет-ресурсах об отступлении под Красным Лиманом: «С точки зрения военного я не могу объяснить сдачу Лимана. Это не скоротечный бой был. Мне непонятно, почему за всё время не оценили правильно обстановку, не усилили группировку. Проблема в повальном вранье, докладе «хорошей обстановки». Эта система идёт сверху вниз»¹⁰.

Таким образом, у «вранья», очевидно, есть вектор, который указывает направленность. Если система вертикально интегрированная, то и вектор вертикальный. Самое простое, если бы он шёл снизу вверх. Или был бы горизонтальным. Но мы зачастую имеем даже не процесс «сверху вниз». Мы наблюдаем циклические встречные потоки, замыкающиеся в самостоятельную квазисистему. Без идентификации этой системы, определения субъектов, объектов, институциональных правил функционирования, детерминант и ключевых точек, её разрушение сомнительно. А подобные призывы к «прекращению вранья» – лишь абстракция. Чтобы сделать настоящие выводы и что-то изменить, нужно определить, в чем же неправда. И тогда возникает важный и ключевой вопрос – а почему, собственно, столь массово врут? И ещё важнее, – что будет, если не будут врать? Есть ли в этом процессе ложь во благо? Как себя оправдывают? Ответы на именно такие вопросы должны привести к формированию адекватных упреждающих и рефлексивных мер. Иначе неадекватные реальному пониманию ситуации действия будут лишь усугублять проблемы.

Императивы СВО. Несомненно, ключевым вопросом успешного развития и завершения СВО остаётся проблема желаемого образа победы в операции. При этом определённую популярность приобрела риторика, которую можно с полным основанием признать неософистической, когда с помощью игры терминами происходит противопоставление логемы «война – победа» логеме «операция – процесс»¹¹. Однако отсутствие внятного образа победы резко понижает мотивацию собственных бойцов и общества, а у врагов добавляет решимости. И наоборот, ясные и понятные цели зачастую действуют в отношении врага не хуже оружия. Падает мотивация противника, появляются сочувствующие.

Рассмотрим модели образа победы в СВО, начиная с укрупнённых вариантов, без привязки к ресурсам, политическим и военным факторам. Постепенно, двигаясь от благих пожеланий к перспективной реальности, постараемся детализировать ключевой вопрос. Если попытаться сформулировать общественные российские ожидания, то сценариев несколько.

Первый. Полное поражение Украины. Та самая безоговорочная капитуляция противника по модели 1945-го года. Правда, и здесь возникает несколько развилок. Так, Украина может стать неотъемлемой частью России. Здесь есть ряд более частных, но не менее важных вопросов с технологией реализации этой цели, но начинать нужно именно с неё. Однако на разных политических уровнях были вполне публично озвучены контраргументы: прагматичные расчёты, связанные с финансовой невозможностью полноценного выполнения социальных обяза-

¹⁰ Гладков В. «Повальное враньё»: Два генерала выступили с резкой критикой ситуации в армии // Политнавигатор. 01.10.2022. URL: <https://u.to/xVEpIA> (дата обращения: 02.10.2023).

¹¹ См., например: Мошков А. Почему у СВО не может быть победы» // Ваши новости. 17.05.2023. URL: <https://u.to/DVIpIA> (дата обращения: 02.10.2023).

тельств перед населением Украины ввиду экономической несамодостаточности этой территории, неподъёмные затраты на её восстановление, недостаточные административные ресурсы для управления огромными территориями, дефицит чего видим уже сейчас, потенциальное протестное противоборство, вливание большой массы не вполне лояльного электората.

Второй сценарий: интеграция в Россию только той части Украины, которую принято называть Новороссией, с территорией, включающей в том числе, Николаевскую, Днепропетровскую, Харьковскую, оставшиеся части Херсонской и Запорожской областей, Одесскую область и вероятно, Приднестровье (пока, напоминаем, мы рассматриваем теоретическую модель). В таком случае Украина перестаёт иметь выходы к морям, и по законам геополитики теряет тот стратегический интерес, которым обладает сейчас. Вероятно, это более прагматичный и содержательный сценарий, если не учитывать тот факт, что оставшаяся часть Украины неизбежно продолжит сохранять жёсткую конфронтацию с Россией, и, обладая поддержкой Запада, накапливать ресурсы для дальнейших боевых действий, истощения России. Хотя лишение значительной части территории, а значит и мобилизационных ресурсов, доли промышленности, возможностей логистики значительно снизит потенциал борьбы. В таком случае очевиден интерес России контролировать как можно большую часть Украины.

Третий вариант: алгоритм «38-й параллели», когда фиксируется статус-кво по сегодняшней линии боевого соприкосновения. Тогда ситуация замораживания по образцу Донбасса после 2015-го года и двух «минских соглашений», с сохранением тлеющего уровня силового конфликта, что поддерживает тонус внутриобщественной мобилизации и консенсуса, снимает напряжение потенциальных протестов. Элита, вероятно, может искать здесь пути некоего сосуществования в режиме тлеющего перемирия с западным сообществом, ожидая, что новые потенциальные конфликты Запада, в первую очередь, с Китаем понизят градус противостояния.

Заключение. Несомненно, в России есть огромный потенциал для роста в целом и прироста новых территорий в частности, – вопрос в том, что для этого роста нужно изменить структуру даже не просто промышленности, а всей связанной с ней финансовой системы, транзакционных процессов, подходов к государственному и корпоративному управлению, нормативной базе, и, конечно, кадрам. Что, естественно, ставит вопрос о дальнейшем развитии крупной российской государственной, корпоративной, муниципальной собственности, влечёт трансформацию сложившихся финансовых, промышленных, и прочих акторов общественной жизни, провоцирует потенциально значительные общественные турбулентности.

Вряд ли теперь уже приемлемы возможные в начале СВО варианты отдельных «народных республик» из новых частей Украины, альтернативные проекту киевской власти «Южной Украины», что в начале СВО, при её краткосрочном режиме давало бы несомненные преимущества, но теперь уже не несёт реального содержания. Существуют и другие, намного менее позитивные для России сценарии, но все они сводятся к фактическому поражению в специальной военной операции, либо через некие компромиссы по оставлению освобождённых после 24-го февраля 2022 года территорий, либо с оставлением за Россией только Крыма, либо Крыма и Донбасса. Не хотелось бы увидеть подобные варианты на практике, ибо уже сейчас заплаченная цена огромна, и ещё более огромны в таких случаях негативные последствия для будущего страны.

Гипотетически существуют более мягкие варианты версии заморозки и пролонгирования СВО на Украине, не с фиксацией ситуации, а с её сохранением под более удачные долгосрочные обстоятельства. К примеру, в следующем, 2024-м году случится новый виток газового кризиса, но в этот раз у Европы не будет столь больших запасов, как в прошлом. Ожидается, что Германия и Франция перестанут поставлять с нового 2024-го года оружие Украине под предлогом, что у них нет больше запасов, а новое вооружение нужно для оснащения их собственных армий. Либо ставший, уже традиционным расчёт на смену власти в США или столкновение США с Китаем, когда США и НАТО уже не смогут поставлять в достаточном объёме оружие Украине. И тогда Россия сформирует и обучит за два-три года новые соединения и оснастит их собственным, корейским и китайским вооружением, начнёт новое большое наступление, заручившись новой геополитической конфигурацией партнёров. Здесь важно, чтобы такие сложные расчёты с большим полем изменчивых факторов и конфигураций не дали результат сродни расчётам по скоротечности спецоперации.

Библиографический список

1. *Манойло А. В., Гончаренко А. Р.* «Доктрина Герасимова»: российский ответ на западные концепции гибридной войны // Вестник Академии военных наук. 2023. № 2(83). С. 66–72. EDN [TCDYCH](#)
2. *Ярмак О. В., Бакулин А. В., Бакулин Д. В.* Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 2. С. 114–135. DOI [10.19181/vis.2023.14.2.7](#). EDN [NICCCN](#).
3. «Сетецентрическое управление»: современная парадигма развития систем управления в вооруженных силах ведущих держав мира / И. В. Сурма, В. И. Анненков, В. В. Карпов, А. В. Моисеев // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 2(31). С. 317–327. EDN [RZWDFH](#).
4. *Ullman H. K., Wade J. P.* Shock and Awe Achieving Rapid Dominance. Washington, DC : Center for Advanced Concepts and Technology, 1996. 199 p. ISBN 9781579060305.
5. *Киселев М. В., Голов А. В.* Мотивация граждан, поступающих на военную службу по контракту в армию Российской Федерации // Молодой ученый. 2016. № 6(110). С. 695–698. EDN [VPQPTD](#).
6. *Ковалева А. В., Дорохина А. В.* Дефицит трудовой мотивации военнослужащих контрактников не офицерского состава // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8, № 2. С. 525–529. EDN [ZQNTLZ](#).
7. *Шестопал Е. Б., Рогач Н. Н.* Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 2. С. 150–165. DOI [10.21638/spbu23.2023.201](#). EDN [VRWLDD](#).

Поступила: 03.10.2023. Принята: 16.11.2023.

Сведения об авторе:

Пинчук Андрей Юрьевич, доктор политических наук, исполнительный директор
МОО «Союз добровольцев Донбасса». Москва, Россия. dobro27@gmail.com
Author ID РИНЦ: [979417](#)

A. Yu. Pinchuk¹

¹ Union of Donbass Volunteers
Moscow, Russia

ON THE SOCIO-POLITICAL RESERVES AND IMPERATIVES OF SPECIAL MILITARY OPERATION

Abstract. Two years have passed since the beginning of Russia's special military operation in Ukraine. Survey data show trends in the social and political understanding of the events by citizens: the growth of consolidation, the activation of volunteer activities, adaptability to Western sanctions. The author of the article draws attention to the key positions of the doctrinal foundation and conceptual content of the special military operation and practical aspects of managerial interactions of citizens, actors and institutions of civil society and the state in the processes of conducting the SWO, considers the serious problem of motivational and psychological aspects and social and power processes around the SWO. The article attempts to analytically comprehend the socio-political trends and prospects of the special military operation, its possible development and completion. According to the author, the transformation and restructuring of the industrial and financial system, approaches to state and corporate governance and other measures in the processes of governance in the zone of the special military operation, in civil society and the state, require the achievement of the necessary degree of information reliability. The discussion of possible scenarios for the completion of a special military operation through the prism of geopolitical and political-economic realities leads to the conclusion that it is necessary to optimize the interaction of military-technical and socio-political mechanisms for the implementation of the available reserves for achieving the goals of a special military operation.

Keywords: special military operation, Gerasimov doctrine, Ukraine, motivation, victory scenarios, strategic planning

For citation: Pinchuk A. Yu. On the socio-political reserves and imperatives of special military operation. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):28–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3>

References

1. Manoilo A. V., Goncharenko A. R. The Gerasimov doctrine: Russia's response to western concepts of hybrid warfare. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. 2023;2:66–72. (In Russ.).
2. Yarmak O. V., Bakulin A. V., Bakulin D. V. The phenomenon of network-centrism in conditions of modern cognitive opposition: on the example of the analysis of the Kherson case. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023;14(2):114–135. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2023.14.2.7](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.7).
3. Surma I. V., Annenkov V. I., Karpov V. V., Moiseev A. V. The “network-centric management”: the modern paradigm of development of management systems in the military forces of the leading global powers. *National Security*. 2014;(2):317–327. (In Russ.).
4. Ullman H. K., Wade J. P. *Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance*. Washington, DC: Center for Advanced Concepts and Technology; 1996. 199 p. ISBN 9781579060305.
5. Kiselev M. V., Golov A. V. Motivation of citizens entering the military service under contract in the Army of the Russian Federation. *Young Scientist*. 2016;(6):695–698. (In Russ.).
6. Kovaleva A. V., Dorokhina M. V. Deficit of motivation contract soldiers, not officers. *Scientists notes PNU*. 2017;8(2):525–529. (In Russ.).
7. Shestopal E., Rogach N. Stages of transformation of the psychological state of Russian society: politico-psychological analysis. *Political Expertise: POLITEX*. 2023;19(2):150–165. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu23.2023.201](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.201).

Received: 03.10.2023. Accepted: 16.11.2023.

Information about the author:

Andrey Yu. Pinchuk, Doctor of Political Science, Executive Director, Union of Volunteers of Donbass. Moscow, Russia. dobro27@gmail.com